

*Письмо президента Чехословакии Т. Г. Масарика председателю правительства и министру иностранных дел Э. Бенешу о позиции в отношении советской делегации на конференции в Генуе*¹

Прага

18 апреля 1922 г.

Я получил письмо от 12 числа сего месяца². Ваше поведение в отношении Братиану и других совершенно правильно. Барту слишком прямолинеен, очень слаб тактически.

Что касается русских, то ясно, что они используют конференцию для своей пропаганды. Ленин в Москве и его органы не упускают ни единой возможности. Напротив, руководители конференции, представители великих держав — политически в отношении к русским слабы.

Вся конференция политически неправильно подготовлена. Но и экономически также: речь все-таки идет не о том, чтобы иметь хороший общий план реконструкции России, но должна быть ясность в вопросе о финансовой поддержке России. Итак: сколько, кто и что дает России? что дадут русские, что они могут дать? (Гарантии). И как предоставляемые суммы будут выдаваться и использоваться. Это, вероятно, в первую очередь дело русских, но в настоящих условиях определенный контроль со стороны кредиторов необходим с тем, чтобы деньги не расходовались на агитацию против кредиторов. Не забывать, что большевики-незунты!

Что касается признания де-юре, то было бы в худшем случае достаточно формулы Мостовенко, которую он нам предлагал. Должно было бы черным по белому ясно заявлено, что переговоры с нынешним правительством ведутся и будут вестись, но что это не означает признания коммунизма и большевистских методов. (Различие между системой, которую большевики представляют, и большевистским правительством). Однако лучше о признании де-юре вообще не вести переговоров.

Русским должно быть совершенно ясно сказано, что означает для них Генуя, то есть, что они своим участием признают практические способности капитализма, в то время как капитализм коммунизма и большевизма не признает, не может признать, так как Россия своими результатами доказала невозможность большевистского коммунизма. Большевики ожидали европейскую революцию, давали на нее деньги и хотели уничтожить капитализм — ныне вместо революции коммунистические революционеры просят милостыню у капиталистов. Это суровая правда, которую следует, хотя бы в осторожной форме, ясно высказать.

Возможно, что конференция усилит коммунизм в Европе и, в частности у нас, и именно поэтому в Генуе нужно действовать осторожно, подчеркнуть готовность и добрую волю помочь России, предложить определенную сумму денег и товаров, но сделать это так, чтобы русский народ видел, что Европа хочет по доброй воле помочь русскому народу, а не большевикам.

Что касается Германии, то позиция должна быть такова, чтобы немцы и русские не оказались брошенными в одну корзину. Конференция не должна упрочить союз Германии и большевиков. Разумеется, Германия использует большевиков в своих целях, но вряд ли она признает большевиков совершенно определенно. Неправильные дей-

ствия французов могли бы привести к негативным результатам конференции как по отношению к немцам, так и к большевикам; а в этом случае обе эти стороны оказались бы связанными самим этим отрицанием.

Вчитайтесь хорошенько в Брест-Литовский договор (полит.): ст. 2: воздержаться от всякой пропаганды (не выполнили!); ст. 9: не требовали возмещения от неприятеля. В германо-русском приложении гл. 2 большевики признают известную преемственность и т. д.

Завтра утром д-р Рашин выезжает в Геную; с ним, вероятно, поедут Стрибрный и Малипетр. У меня с ним была продолжительная беседа. Он признает, в частности, что д-р Крамарж будет камнем преткновения для национально-демократической партии и особенно для самого д-ра Рашина, когда он станет министром. Уже теперь партия скомпрометирована тем, что молчит в ответ на нападки фракции Крамаржа. Однако позже, будучи министром, он не сможет молчать. Он это признает и, мол, по возвращении из Генуи попытается склонить д-ра Крамаржа к правильной политике. По всем этим вопросам вы будете иметь возможность с ним переговорить.

Я разговаривал с д-ром Мейсснером — главой «пятерки». Ничего особенного.

Ваше письмо я прочитал Швегле и д-ру Рашину. Привет из дома.

Т. Г. Масарик

AUML, Praha, fond č. 41, 53—25.

Подлинник. Перевод с чешского.

¹ Генуэзская конференция по финансовым и экономическим вопросам происходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Советская делегация внесла предложение о всеобщем сокращении вооружений, об урегулировании взаимных финансово-имущественных претензий и нормализации политических отношений между советскими республиками и капиталистическими странами. Западные державы, и в частности франко-бельгийская группировка, а также действовавшие за кулисами США отклонили эти предложения и пытались добиться от Советского правительства восстановления прав собственности иностранных капиталистов, признания всех долгов царского и временного правительств и таких изменений внутригосударственного законодательства, которые фактически подрывали основы советского строя. Все эти притязания были отвергнуты советской делегацией. Из-за непримиримой позиции стран Антанты и США конференция не привела к нормализации отношений Советской России с капиталистическим миром. Однако они фактически признали неизбежность включения Советского государства как равного партнера в международные экономические связи. Конференция показала наличие глубоких противоречий в капиталистическом лагере, в частности между державами-победительницами и Германией. Во время конференции 16 апреля 1922 г. в Рапалло был подписан советско-германский договор.

² Письмо Э. Бенеша от 12 апреля 1922 г. не обнаружено.

Воззвание КПЧ с призывом к рабочим участвовать в демонстрациях в поддержку советской делегации на конференции в Генуе

Прага

20 апреля 1922 г.

В критические дни Генуэзской конференции, на которой делегаты Советской России защищают принципы справедливого мира без контрибуции и принцип разоружения, пролетариат европейских столиц со-